

Научная статья

УДК 94(470.6)»1920»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

СОЦИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ НА ПИКЕ НЭПА

Александр Павлович Скорик^{1*}, Татьяна Викторовна Панкова-Козочкина²

^{1,2} Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, 346428, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

² Доктор исторических наук, доцент
p_k_t_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4660-0266>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Исторический период нэпа при всей его исследованности в отечественной историографии по-прежнему сохраняет целый ряд самостоятельных симптоматичных сюжетов, остающихся и сегодня ещё недостаточно изученными российскими историками. К числу таких исторических сюжетов нэповских времён относится детальное деление российского крестьянства на внутрисоциальные хозяйственно-производственные группы, помимо общепринятой и широко распространённой в публицистике и в научной литературе краткой интерпретации, когда в среде российского крестьянства 1920-х гг. выделяют только бедняков, середняков и кулаков. **Материалы и методы.** В ставропольской деревне, как это доказывается в статье на основе привлечения архивных материалов и историографических фактов, в результате осуществления нэпа сложилось восемь социально-производственных групп крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, зажиточные, буржуазные (кулацкие, промышленные), которые выделены с помощью метода социальной дифференциации. Но обнаруженные архивные статистические данные не раскрывают в полной мере сущностные характеристики обозначенных выше социально-производственных групп крестьянских хозяйств, поэтому авторы использовали метод исторической реконструкции, формально-юридический и историко-антропологический методы для создания развёрнутой исторической картины ставропольской деревни времён нэпа, где на первый план выходит социальное лицо провинциального крестьянства. **Анализ.** Проведённый анализ исторических источников (прежде всего архивных ма-

териалов) и ряда ключевых историографических фактов из сложившейся современной российской историографии позволил в итоге представить завершённые исторические сюжеты о каждой из изученных групп крестьянских хозяйств, с выявлением их количественных параметров, уточнением критериев социальной дифференциации и описанием смысловых характеристик. **Результаты.** По итогам проведённого исследования делается вывод о сложной социально-хозяйственной дифференциации ставропольского крестьянства, которая отражала аграрную многомерность и внутреннюю противоречивость нэпа, во многом предопределившую его свёртывание в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: большевики, десятина, единый сельскохозяйственный налог, законодательство, земельные участки, крестьянские общества взаимопомощи, крестьянские хозяйства, новая экономическая политика (нэп), Ставропольский округ

Для цитирования: Скорик А. П., Панкова-Козочкина Т. В. Социально-хозяйственная дифференциация ставропольской деревни на пике нэпа // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 507–514. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF THE STAVROPOL VILLAGE AT THE PEAK OF THE NEP

Alexander P. Skorik^{1*}, Tatyana V. Pankova-Kozochkina²

^{1,2} M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
p_k_t_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4660-0266>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Despite all research in Russian historiography, the historical period of the NEP still retains a number of independent symptomatic plots that remain insufficiently studied by Russian historians even today. Among such historical plots of the NEP times is the detailed division of the Russian peasantry into intrasocial economic and production groups, in addition to the generally accepted and widespread brief interpretation in journalism and scientific literature, when only the poor, middle peasants and Kulaks are singled out among the Russian peasantry of the 1920s. **Materials and Methods.**

On the basis of archival materials and historiographical facts the article proves that in the Stavropol village eight socio-industrial groups of peasant farms were formed as a result of the implementation of the NEP: the ones without sowing, the poor, the low-power, unstable middle peasants, middle peasants, prosperous middle peasants, the prosperous, bourgeois (Kulak, industrial). They are identified using the method of social differentiation. However, the discovered archival statistical data do not fully disclose the essential characteristics of the abovementioned socio-industrial groups of peasant farms, so

the authors used the method of historical reconstruction, formal legal and historical-anthropological methods to create a detailed historical picture of the Stavropol village during the NEP, where the social face of the provincial peasantry comes to the fore. **Analysis.** The analysis of historical sources (primarily archival materials) and a number of key historiographical facts from the established modern Russian historiography allowed us to finally present completed historical plots about each of the studied groups of peasant farms, identifying their quantitative parameters, clarifying criteria for social differentiation and describing semantic characteristics. **Results.** Based on the results of the study, a conclusion is drawn about the complex socio-economic differentiation of the Stavropol peasantry, which reflected the agrarian multidimensionality and internal inconsistency of the NEP, which largely predetermined its curtailment in the late 1920s.

Введение. Одним из важнейших итогов осуществления нэпа в сельском хозяйстве стал рост экономического благосостояния крестьянства, причём, здесь, по нашему мнению, надо отойти от традиционного большевистского упрощения с его исключительным делением всей крестьянской массы только на три социальные группы: бедняки, середняки и кулаки, и такая тенденция в современной российской историографии уже обозначилась [7, с. 61–67; 11, с. 152–159]. Реальная социально-экономическая палитра в дифференциации российского крестьянства гораздо шире, и Ставропольскому окружному комитету ВКП(б) в январе 1927 г. удалось преодолеть партийный стереотип о вышеуказанной триаде, поэтому в отчёте о работе окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг. на одиннадцатой окружной партийной конференции мы видим сразу восемь групп крестьянства в ставропольской деревне, выделенных на основе базисного параметра размера площади обрабатываемого земельного участка, но, к сожалению, без размещения дополнительных разъясняющих комментариев авторов отчёта, ибо в те времена они особо не требовались, ведь обозначенные социально-экономические группы крестьянства считались очевидными.

Материалы и методы. Нам же в этой ситуации предстоит разобраться с помощью сравнительно-исторического метода, поскольку речь идёт о ключевом сюжете в понимании результатов новой экономической политики в одном из важнейших зерновых районов Северного Кавказа, и представить с использованием метода исторической реконструкции социально-экономическую дифференциацию ставропольского крестьянства (в чём и заключается цель настоящей статьи) на основе авторского исследовательского опыта с привлечением архивных исторических источников и вторичного анализа историографических фактов, с созданием описательного образа основных групп крестьянских хозяйств в ставропольской деревне и с выяснением разграничительных критериев, сложившихся в годы нэпа между этими группами.

Анализ. К началу 1927 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края, объединявшем 10 сельских районов (ныне территориально это западная и центральные части Ставропольского края Российской Федерации), всего насчитывалось 1177–87 крестьянских хозяйств, которые ставропольские большевики, исходя из «реальной на земле», разделили на восемь групп [5, л. 3об].

Первая группа насчитывала 4829 безпосевных крестьянских хозяйств, или 4,10 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Что означало в годы нэпа слово «беспосевные»? Само название этой группы крестьянских хозяйств свидетельствует

Keywords: Bolsheviks, tithes, unified agricultural tax, legislation, land plots, peasant mutual aid societies, peasant farms, new economic policy (NEP), Stavropol district

For citation: Skorik AP, Pankova-Kozochkina TV. Socio-economic differentiation of the Stavropol village at the peak of the NEP. *Humanities and law research*. 2024;11(3): 507-514. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.04.2024.

The article was approved after reviewing: 23.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

об отсутствии в названных хозяйствах обработанных посевных площадей, но смысловых интерпретаций здесь возникает гораздо больше. Земля в таких хозяйствах могла быть в наличии, а вот крестьянин не мог возделывать принадлежавший ему земельный участок по разным причинам: 1) ввиду отсутствия в хозяйстве живого тягла; 2) недостатка у крестьянина материальных и финансовых средств (сельскохозяйственного инвентаря, посевного зерна, обеспечительного залогового имущества под урожай, свободных денег и т.д.); 3) отдалённости выделенного земельного участка от поселения, причём, по свидетельству ответственного инструктора ЦК РКП(б) В.В. Птухи, проверявшего работу отдельных сельсоветов Ставропольского округа в начале февраля 1925 г., когда «тот или иной участок земли расположен от села на расстоянии 70-80 вёрст», то говорить «о поднятии таких участков (в дореволюционное время целиком обрабатывались) не приходится» [4, л. 1]; 4) попадания в тяжёлую жизненную ситуацию в результате форс-мажорных обстоятельств (пожар, наводнение, засуха, и т.п.). К группе безпосевных крестьянских хозяйств могли принадлежать батраки (сельскохозяйственные рабочие), которые по определению свой земельный участок не обрабатывали (но сохраняли землю за собой в надежде на лучшие времена, и обычно сдавали участок в аренду), ибо не имели такой возможности, поскольку на местном рынке труда они продавали свою рабочую силу, чтобы сохранить личное и семейное витальное пространство. Батрачили крестьяне, как в территориальных пределах своего родного поселения, нередко по соседству у более успешного поселенца (включая родственников), так и оставляя село (деревню) в поисках выполнения договорных полевых работ у более зажиточных крестьян в других местах. Обедневшие крестьяне также уходили на заработки, покидали своё постоянное место жительства для работы в других сферах экономики: на промышленных предприятиях, на шахтах, на верфях и пр. Отходный промысел относительно сносно кормил таких крестьян, позволял материально содержать порой немалые семьи, не порывая до конца связей с родной деревней, и чем ближе та или иная деревня находилась к городу, тем большее количество крестьян покидало своё поселение, и на региональном рынке наёмной рабочей силы росла конкуренция из числа крестьян, желающих поскорее, порой за бесценок, продать «свои рабочие руки». Преобладающий экономический рост промышленности в годы нэпа по сравнению с медленно восстанавливающимся после разрушительной Гражданской войны сельским хозяйством только подстёгивал деревенское отходничество, имевшее сезонное колебание по сфере занятости и масштабам привлечения рабочей силы.

Детальное нормативно-правовое регулирование труда батраков и батрачек в крестьянских хозяйствах зафиксировано в Постановлении СНК СССР «Временные правила об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах» от 18 апреля 1925 г. [8, Ст. 183]. По существу, речь идёт о заключении полноценного трудового договора (соглашения) между батраком (батрачкой) и нанимателем (главой крестьянского хозяйства) под патронажем профессиональных союзов, местного отделения Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР (Всеработземлеса), хотя последнее условие не являлось обязательным. Согласно «Временных правил» (абзац 2, пункт 2), «в соглашении должны быть указаны: а) основные работы, на которые нанимается батрак или батрачка, б) срок найма, в) рабочее время, г) размер, виды и сроки выплаты заработной платы, д) дополнительные условия, устанавливаемые сторонами» [8, Ст. 183]. Изучение нами содержания данного нормативно-правового акта показывает, что трудовые соглашения прописывали все нюансы труда сельскохозяйственных рабочих в частных крестьянских хозяйствах, подлежали регистрации в сельских советах «не позднее двух недель с момента найма» (пункт 3) и позволяли, если следовать «Временным правилам», защитить социально-трудовые интересы батраков.

Вторую группу составляли 14429 бедняцких крестьянских хозяйств, или 12,25 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 0,09 до 2 десятин, или от 9 соток до 2,185 гектаров. Мог ли такой небольшой земельный участок прокормить большую крестьянскую семью?! При возделывании зерновых культур минимальное агрономическое требование заключается в применении трёхполья, но при обозначенном размере площади земельного участка это обеспечить невозможно, а, соответственно, надо либо арендовать дополнительно землю, либо же искать дополнительные возможности для заработка. К тому же, как свидетельствовал губпродкомиссар Ставропольской губернии З.М. Шуголь в декабре 1921 г., готовясь к V Ставропольскому губернскому съезду Советов: «До самого последнего времени крестьянство губернии ещё не привыкло к правильному севообороту, почему даже трёхполье Центральной России было для него ещё не достигнутой стадией развития. Та «вольная» система полеводства, которая особенно распространена в губернии, самым хищническим образом истощала земли. При таких условиях опасность частичного недорода или даже общего неурожая должна являться постоянной» [3, л. 6]. Урожайность «сам один» и даже «сам два» при столь малом, обозначенном выше земельном участке и применяемой агротехнике бедняцкого крестьянского хозяйства бесперспективна, если не сменить полеводство на иную отрасль, например, овощеводство, табаководство, пчеловодство и др., что вполне было возможно в условиях степных районов Северного Кавказа. Но, судя по всему, крестьянским хозяйствам этой группы не удавалось выйти за черту бедности, даже при изменении отраслевой структуры хозяйственных занятий. Бедняцкий двор также не отличался сколь-нибудь заметным количеством хозяйственных построек, и примыкавшие к дому пара сараев очерчивали его основное обиталище.

Третью группу составляли 22 804 маломощных крестьянских хозяйств, или 19,36 % от общей численно-

сти крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 2 до 4 десятин, или от 2,19 до 4,37 гектаров, тогда как средней душевой надел в России даже до отмены крепостного права равнялся 3,4 десятины, поэтому не случайно обозначенные хозяйства называли маломощными. Маломощные крестьянские хозяйства, как правило, ассоциировались с малочисленными семьями, что не позволяло им поддерживать самообеспечительное хозяйственное развитие. Такие хозяйства имели из живого тягла лишь одну лошадь, или вовсе были не в состоянии её завести, а без наличия живого тягла перспективы существования крестьянского хозяйства тогда оценивались весьма проблематично. Вообще рабочий скот служил немаловажным критерием для дифференциации первых трёхчлётных групп крестьянских хозяйств, поскольку его присутствие предопределяло саму возможность только своими силами осуществлять хозяйственную деятельность. Скудный набор орудий труда дополняет наши представления о маломощных крестьянских хозяйствах, когда в полевых работах использовались: неказистая старинная соха, деревянная борона, ручная коса и горбатенький серп. Конечно, маломощное крестьянское хозяйство могло рассчитывать на общинную помощь, точнее на помощь земельного общества, в форме которого сохранялась крестьянская община в годы нэпа. Объём неотложных полевых работ, где требовалась поддержка для маломощных крестьянских хозяйств, в частности, включал: вывоз естественных удобрений на земельные участки, осуществление весенней вспашки, когда важно её произвести в очень короткие сроки, своевременная уборка полученного урожая, чтобы избежать потерь. Естественно, маломощные крестьянские хозяйства не могли в полной мере оплатить даже в натуральной форме весь объём выполненных работ в рамках супруги, и обычно всё ограничивалось угощением добровольных помощников, как говорится, чем Бог послал, но нередко соседи помогали совершенно бескорыстно, абсолютно ничего не требуя взамен, просто «за ради Христа», не дожидаясь обязательного решения сельского схода об оказании помощи. В крестьянском мире сделать добро своему соседу тогда считалось обычным, привычным поступком, причём, совершенно искренним и абсолютно бескорыстным, хотя, безусловно, встречались и примеры обратного порядка, когда «моральная экономика» давала глубокую трещину. Добровольно после завершения жатвы на своих собственных участках, освободившиеся косцы и жницы без промедления направлялись на помощь маломощным хозяевам, которые по разным причинам задерживались в своевременном снятии урожая, ввиду своей «маломощности». Крестьянский мир не только выделял земельный участок, скажем, изначально маломощным «женским семьям», где из-за различных жизненных обстоятельств, в том числе, из-за демографических проблем после разрушительной Гражданской войны, отсутствовали взрослые работоспособные мужчины, но и помогал в его обработке, чтобы обеспечить минимальные потребности такой семьи. Также поступали в отношении тех крестьянских семей, где взрослые работники, к сожалению, занебудили (заметим, беспорядных пьяниц в деревне никогда не любили, хотя почтительно их, конечно же, жалели), а болезнь ограничивала возможности для продуктивных хозяйственных занятий и выполнения ими обязательных общинных повинностей, которые «общество» брало на себя.

В годы нэпа получили довольно широкое распространение крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВы), или как они назывались с 1925 г. крестьянские общества взаимопомощи (КОВы). В Ставропольском округе за период 1925–1926 гг. помощь получили 8377 крестьянских хозяйств, причём, поддержка отдельным крестьянским хозяйствам оказывалась в виде денежных ссуд, как отмечалось в отчёте о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг., «с выдачей возвратных на 6064 руб. 35 копеек». Трудовая помощь в указанный период 547 крестьянским хозяйствам осуществлялась с привлечением 300 лошадей и выработкой 492 человеко-дней (данные сведения получены по 7 районам округа) [5, л. 21].

Советская власть целенаправленно поддерживала бедняцкие крестьянские хозяйства, поэтому единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) ими выплачивался в льготном режиме. Налоговое бремя распределялось как раз в зависимости от социально-экономического статуса крестьянского хозяйства. В Ставропольском округе в 1926/1927 г. было «освобождено бедняцких хозяйств вовсе от налога 20,9 проц.», и средняя сумма налога на одно бедняцкое крестьянское хозяйство не превышала 13 руб. [5, л. 4].

Четвёртую группу составляли 19352 неустойчивых середняцких крестьянских хозяйств, или 16,43 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств в расчёте на одно владение имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 4 до 6 десятин, или от 4,37 до 6,56 гектаров. Такие крестьянские хозяйства подходили к социально-экономическому порогу простого воспроизводства, поскольку, если принять за минимальный состав крестьянской семьи двух взрослых родителей работоспособного возраста и двух детей, обладающих лишь частичной работоспособностью в силу своего малолетства, то достаточная площадь земельного участка с учётом минимального (согласно агротехническим нормам того времени) трёхпольного севооборота должна достигать 6,8 десятины, из них при таком раскладе будет засеиваться 4,54 десятины, а оставшаяся треть земель должна отводиться под пары, и, соответственно, тогда расчётная средняя урожайность на уровне «сам три» может обеспечить относительное социально-экономическое благополучие крестьянской семьи. Однако при нарушении (невыполнении) лишь одного из обозначенных расчётных условий крестьянское хозяйство сразу становилось неустойчивым в его социально-экономическом благополучии и переходило в группу бедняцких крестьянских хозяйств, более низкую в рассматриваемой нами хозяйственной иерархии, но в какую именно группу, непосредственно зависело от сложившейся ситуации для данного крестьянского хозяйства.

Неустойчивые середняцкие крестьянские хозяйства при оценке их состояния на местах не всегда отделяли от собственно середняцких хозяйств и считали в местной социально-экономической статистике вместе, ибо грань устойчивости определить в таком случае сложно, для чего необходимо непременно отследить динамику развития такого хозяйства, по крайней мере, за пять лет, но на практике местные чиновники зачастую вовсе не стремились этого делать. Выражение «маломощный середняк» постепенно исчезает из делового оборота. Как справедливо замечает Л.В. Лебедева, «маломощные» середняцкие крестьянские хозяйства были наибо-

лее уязвимы и в период неурожая окончательно разорялись и переходили в бедняцкую группу» [7, с. 63].

С другой стороны, осуществление нэпа в ставропольской деревне приводило к заметному её осереднячиванию, и вчерашние бедняки теперь уже оказывались в большой группе середняков, которая, в свою очередь, дифференцировалась на три относительно самостоятельные группы: 1) неустойчивых середняцких крестьянских хозяйств, или маломощных середняков; 2) середняцких крестьянских хозяйств, или середняков; 3) середняцких крестьянских хозяйств, находившихся в переходном состоянии к группе зажиточных хозяйств, или зажиточных середняков. Осереднячивание деревни являлось общей тенденцией в годы нэпа в стране, и оно происходило «за счёт значительного сокращения зажиточной прослойки и увеличения середняцкой. Именно на неё рассчитывала опереться власть на пути социально-экономической трансформации села» [11, с. 152–153]. При этом, используя выводы ставропольских большевиков [5, л. 30б], мы отделяем группу зажиточных середняков от собственно зажиточных крестьянских хозяйств. Конечно же, часть крупных, зажиточных крестьянских хозяйств, скажем, в силу семейных разделов пополняла группу середняцких хозяйств. Причём, выделение женатых сыновей в самостоятельное хозяйство зачастую делалось по женской инициативе, о чём красноречиво в своё время писал А.Н. Энгельгардт: «Всё, говорят, от баб, все делёжки от них, весь бунт от баб; бабы теперь в деревне сильны. Действительно, сколько и я мог заметить, у баб индивидуализм развит ещё более, чем у мужиков, бабы ещё эгоистичнее, ещё менее способны к общему делу – если это дело не общая ругань против кого-либо..., зато у баб гораздо больше инициативы, чем у мужчин» [14, с. 183, 184]. Тем не менее, несмотря на все особенности формирования середняцких крестьянских хозяйств, ещё раз подчеркнём, прямым следствием большевистской аграрной политики времён нэпа было превращение середняков в главную фигуру ставропольской доколхозной деревни. С учётом достигнутого экономического благополучия середняцкие крестьянские хозяйства Ставропольского округа в 1926/1927 г. выплачивали единый сельскохозяйственный налог в размере от 51 до 150 руб. с одного двора [5, л. 4].

Пятую группу составляли 26219 середняцких крестьянских хозяйств, или 22,26 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 6 до 10 десятин, или от 6,56 до 10,93 гектаров. Средняцкие крестьянские хозяйства характеризовались достаточностью рабочей силы для обработки земельного клина, который находился у них во владении, пользовании и распоряжении. Средняк мог себе позволить в случае недостатка семейных ресурсов нанять дополнительную рабочую силу, в зависимости от потребности его развивающегося хозяйства. В отношениях найма-сдачи земли середняк в основном выступал как арендодатель, нежели как арендатор, ибо выход на товарность крестьянского хозяйства для него обозначал увеличение, а не сокращение обрабатываемых земельных площадей, и, соответственно, рост масштабов запашки земли гарантировал экономическое благополучие. Средняцкие крестьянские хозяйства отличались достаточностью сельскохозяйственного инвентаря и живого тягла, а потому временная сдача их

в наём (после выполнения полевых работ в своём хозяйстве) являлась для таких хозяйств одной из важных (но не основных) статей дохода, наряду с возможностью обеспечения относительно высокого уровня урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур, не менее устойчивого показателя «сам три». Сдача в наём сельскохозяйственного инвентаря и живого тягла, как правило, оплачивалась не деньгами, а отработками арендодателей, или же в натуральной форме частью полученного урожая. В любом случае середняк не оставался внакладе: или пользовался даровой рабочей силой, или же в его хозяйских закромах появлялась неплохая прибавка того же зерна.

Однако середняцкие хозяйства характеризовались неоднородностью, поэтому сдача имущества в аренду не являлась для них основным источником дохода, как это обычно происходило в типичной хозяйственно-экономической деятельности седьмой и восьмой групп. Главное, что отличало середняка – это самообеспечительный уровень хозяйственного развития, наличие всех основных элементов крестьянского хозяйства: жилой дом, одна-две лошади, дойная корова, базовые хозяйственные постройки (конюшня, погреб, коровник, свинарник, хлев мелкого рогатого скота, сараи домашней птицы и пр.), сельскохозяйственный инвентарь примитивного вида (никакой машинной техники у него, как правило, не было). К середняцкому хозяйственному двору традиционно примыкал ограждённый забором или просто жердями огород, а уж за ним, как и положено, находились: укатанный участок земли для обмолота хлебов (гумно), сарай для хранения урожая (амбар) и сушильная хозяйственная постройка (рига) для просушки снопов перед молотью. Но основным богатством для середняка считалось наличие не менее 4-х трудоспособных работников. Однако все перечисленные достоинства не избавляли середняцкое крестьянское хозяйство от возможности разорения, хотя оно уже было практически маловероятным по сравнению с предшествующими группами.

Шестую группу составляли 18387 середняцких крестьянских хозяйств, находившихся в переходном состоянии к группе зажиточных хозяйств, и, если считать их в долевым отношении, то они достигали 15,61 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 10 до 16 десятин, или от 10,93 до 17,48 гектаров. Тем самым, при сложении количества пятой и шестой групп хозяйств, а также с учётом крестьянских хозяйств четвёртой группы, получается, что середняки являлись основной частью населения ставропольской деревни в результате осуществления нэпа (63958 хозяйств, или 54,3 %). Зажиточные середняцкие хозяйства, как правило, отличались наличием больших семей, а, следовательно, в них обычно хватало рабочих рук для обработки больших земельных площадей, а в случае чего они могли себе позволить временно нанять батраков. Они же получали большие земельные участки по распределительной норме на одного едока, или по потребительской норме, обусловленной уравнительной системой распределения земли в годы нэпа, когда учитывалось количество членов семьи. Живое тягло у них было предоставлено лошадьми и несколькими парами быков, непременно имелись коровы (дойные и молодняк), шлейф сельскохозяйственных орудий (плуги, бороны, и пр.) и набор транспортных средств,

начиная с простейших ходов и заканчивая санями. Двор зажиточного середняка, помимо жилого дома, включал отдельные хозяйственные постройки для различных надобностей, а их количество зависело исключительно от уровня экономической самостоятельности конкретного крестьянского хозяйства. Исторически с этой группой зажиточных середняцких крестьянских хозяйств можно ассоциировать приличный слой «крестьян-культурников», имевших тенденцию трансформации из поднявшихся в годы нэпа бывших бедняков, ставших теперь середняками, в самостоятельных фермеров с развитым хозяйством, основанном на мелкотоварном аграрном производстве. «В масштабах всей деревни это могло выразиться в модернизации сельского хозяйства, осуществлённой на базе фермерских хозяйств (разумеется, это было бы весьма специфическое советское фермерство)» [2, с. 130]. Увы, с началом сплошной форсированной коллективизации укрепившийся слой «крестьян-культурников» быстро исчез с исторической арены, но «опыт их хозяйствования, взаимоотношений с односельчанами и органами власти в определённой степени может быть востребован фермерами и агроуправленческими структурами РФ» [1, с. 58].

В «Поднятой целине» М.А. Шолохов талантливо описал такой тип настоящего «хозяинакультурника», «сеятеля и хранителя» в образе Якова Лукича Островнова: «Вернулся я в двадцатом году из отступа. У Чёрного моря осталось две пары коней и всё добро. Вернулся к голому куреню. С этих пор работал день и ночь. Продразвёрсткой в первый раз обидели товарищи: забрали всё зерно под гребло. А потом этим обидам и счёт я потерял. Хотя счёт-то им и можно произвести: обидют и квиток выпишут, чтоб не забыл... Вот они тут, квитки об том, что сдавал в двадцать первом году: а сдавал и хлеб, и мясу, и маслу, и кожи, и шерсть, и птицу, и целыми быками водил в заготконтору. А вот это окладные листы по единому сельскому налогу, по самооблогу и опять же квитки за страховку... И за дым из трубы платил, и за то, что скотина живая на базу стоит... Скоро этих бумажек мешок набираю... Словом..., жил я – сам возля земли кормился и других возле себя кормил. Хотя и не раз шкуру с меня сымали, а я опять же ею обрастал... Стал я к агрономам прислушаться, начал за землёй ходить, как за хворой бабой. Кукуруза у меня первая в хуторе, урожай лучше всех. Я и зерно протравливал, и снегозадержание делал. Сеял яровые только по зяби без весновспашки, пары у меня завсегда первые. Словом, стал культурный хозяин, и об этом имею похвальный лист от окружного ЗУ, от земельного, словом, управления» [12, с. 17]. И таких «культурных хозяев», как Яков Островнов, в казачьей и крестьянской среде, согласно выше приведённой статистике, было немало. В период нэпа получил распространение даже характерный для «крестьян-культурников» термин «хозяйственное обрастание», который тогда употребляли по отношению к сельским коммунистам. Не случайно нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов 16 декабря 1924 г. написал эмоциональное письмо секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову в связи со статьёй «О борьбе с хозяйственным обрастанием» в газете «Известия», в котором подчёркивал необходимость «прекращения травли культурных хозяйств деревенских коммунистов, не применяющих наёмного труда; в противном случае мы не сумеем никогда добиться авторитета в деревне» [13, с. 146].

Седьмую группу составляли 8163 зажиточных крестьянских хозяйств, и, если считать их в долевым отно-

шении, то они достигали 6,93 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 16 до 25 десятин, или от 17,48 до 27,31 гектаров. Данная группа находилась в переходном социально-экономическом состоянии к группе буржуазных хозяйств (или кулаков), в основу существования которых была положена эксплуатация чужого труда (а не привлечение сезонных работников), когда глава хозяйства сам уже не работал и активно использовал способы получения прибыли за счёт ссуживания денежных средств, семенного зерна и пр., передачи в аренду сельскохозяйственного инвентаря, живого тягла и др. Зажиточные крестьянские хозяйства отличались использованием сельскохозяйственных машин, например, лобогреек; лошади в них содержались не только как рабочий скот, но и отдельно для транспортных целей; урожай обеспечивался за счёт применения многопольного севооборота, внесения удобрений, отбора семенного материала, использования передовых технологий обработки почвы. Зажиточные крестьянские хозяйства, как и последующая в изучаемой социально-экономической иерархии группа буржуазных (кулацких) крестьянских хозяйств ассоциировались с расширенным мелкотоварным аграрным производством, ориентированным на региональный рынок, с использованием сложных сельскохозяйственных машин, например, локомотива, а то и трактора.

Восьмую группу составляли 3604 буржуазных крестьянских хозяйств, и, если считать их в доле от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью свыше 25 десятин, или от 27,31 гектаров. Её экономическое благополучие строилось на широком применении наёмного труда батраков и дарового труда должников (своеобразных закупов, оплачивавших таким способом оказанные им услуги), когда сам глава хозяйства уже не работал, а, помимо руководства сельскохозяйственными работами, занимался ростовщической деятельностью, поскольку он целенаправленно предоставлял бедным поселянам денежные средства, семенное зерно, иное имущество в долг (аренду) с последующим возвращением вместе с кабально высокими процентами, иначе говоря, деньги кулаком давались в рост, зерно получалось от предпримчивого дельца бедняками внасп (дополнение сверх взятого крестьянином в долг) и т.д., причём, нередко речь шла о перепродаже различного имущества таким барышником неопределённому кругу лиц в целях извлечения сверхприбыли. Именно ростовщичество и спекуляция (перекупка), широкомасштабное использование наёмного труда выступали отличительными признаками буржуазных (кулацких) крестьянских хозяйств в годы нэпа, численность которых оценивается специалистами в пределах 3–4–6 % в регионах [7, с. 63; 11, с. 154], или, по подсчётам известных историков-аграрников В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого в среднем по всей стране в 1927 г. около 4 % [6, с. 12], если, конечно, к ним не прибавлять зажиточные крестьянские хозяйства, что стало характерной тенденцией осуществления сплошной форсированной коллективизации в зерновых районах Северного Кавказа. Помимо высоких доходов от частной торговли буржуазное (кулацкое) хозяйство отличало наличие сложной машинной сельскохозяйственной техники и большое количество рабочего ско-

та. С учётом сверхвысокой экономической доходности буржуазные (так в источнике! – А.С., Т.П.К.), кулацкие крестьянские хозяйства Ставропольского округа в 1926/1927 г. обязывались выплатить единый сельскохозяйственный налог в размере от 230 руб. и выше с одного двора [5, л. 4], или в 18 раз больше, нежели вносили бедняцкие хозяйства, причём, практически к 1 января 1927 г. они уже рассчитались по ЕСХН.

Идентифицирующие социально-экономические признаки буржуазных (промышленных) крестьянских хозяйств, или критерии для выявления кулаков, закрепились в годы нэпа в нормативно-правовом порядке. В постановлении СНК СССР «Об изменении временных правил об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах» от 10 октября 1927 г. «к хозяйствам промышленного типа (выделеными. – А.С., Т.П.К.) относятся крестьянские хозяйства при наличии следующих условий:

а) если в хозяйстве одновременно применяется труд не менее 3 батраков или батрачек в течение целого сельскохозяйственного сезона (от начала до конца полевых работ в данном районе);

б) если члены двора обязаны выбирать патенты на промышленные предприятия не ниже 2 разряда или на торговые предприятия либо на занятие посредничеством – независимо от разряда» [9, Ст. 609].

С завершением нэпа изложенные критериальные разграничения ужесточаются по отношению к кулацким хозяйствам в Постановлении СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г., где детализировано излагаются пять признаков кулацких хозяйств [10, Ст. 301], которые обязательно попадают под репрессивное давление советской власти, но это уже совсем другая история.

Как справедливо отмечает А.В. Чичулин, «в конце нэпа в крестьянской среде естественный процесс социально-экономической дифференциации приобретает «уродливые» формы. Значительно меняется процентное соотношение различных слоёв крестьянского населения, занимающих определённое социальное положение. Прежде всего, в результате государственной поддержки значительно сократилась прослойка батраков, к концу нэпа в Сибири они составляли несколько процентов. Удельный вес бедняков также снизился, и к началу коллективизации они составляли в среднем четверть деревенского населения. Их экономическое положение улучшилось благодаря государственной политике льготного кредитования, машиноснабжения, помощи семенами и т.д. Однако эти группы крестьянского населения во многом улучшили своё благосостояние искусственным путём за счёт проводимой государством политики раскулачивания, что позволило им стать середняками. Конфискованное имущество и земельные наделы зажиточных крестьян делились, прежде всего, между бедняками. Кроме того, сокращение этой группы населения произошло благодаря оттоку бедноты в города и на государственные стройки» [11, с. 153].

По итогам перевыборной кампании 1925–1926 гг. реальная власть на местах сосредотачивается в руках бедняков и середняков, причём, подчеркнём, значительная часть середняков во многом своим экономическим благополучием оказывалась обязана, прежде всего, социально-классовой политике советской власти, руководимой большевиками. Из общего числа граждан Ставропольского округа – 283617 человек, имевших тог-

да избирательные права, на выборы явилось 123503 человек, что составляло 43,5 %, и с учётом гендерной дифференциации в выборах участвовало 92717 мужчин и 30786 женщин. В состав членов сельских советов избрали 5060 земледельцев, из них: 2801 бедняков, 2059 середняков, 200 зажиточных крестьян, а также, помимо этого, в сельсоветы прошли 120 рабочих и батраков, 43 кустарей и ремесленников, 565 служащих, 128 «лиц интеллигентного труда». В партийном отношении в обновлённых сельских советах преобладали беспартийные – 5038 человек при 768 большевиках и 110 комсомольцах [5, л. 20].

Прошло сто лет после этих выборов в местные советы в период осуществления нэпа, и сегодня сложно до мельчайших подробностей восстановить все исторические картины середины 1920-х гг., поэтому при исторической реконструкции существуют определённые допуски, некоторые небольшие неточности, но, в целом же, представленное в настоящей статье социальное лицо ставропольской деревни, на наш взгляд, отражается достаточно верно. В десяти районах Ставропольского округа Северо-Кавказского края середины 1920-х гг., конечно же, могли быть какие-то нюансы социально-производственной дифференциации групп крестьянских хозяйств, но для нас важно было понять общие исторические тенденции, а они заключаются в следующем.

Результаты. Социальное лицо ставропольской деревни на пике нэпа предстаёт не тремя привычными чертами (бедняки, середняки, кулаки), а прорисовывается гораздо большим количеством деталей, чёрточек, морщинок, загогулин и пр. В результате осуществления нэпа в Ставропольском округе Северо-Кавказского края сложилось восемь социально-производственных групп крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, зажиточные, буржуазные (кулацкие, промышленные), причём, вершиной экономического роста сельского хозяйства в 1920-е гг. становятся буржуазные крестьянские хозяйства, именно так зафиксированные в отчётных документах ставропольскими большевиками. Однако в нормативно-правовых актах того времени они однозначно именуется промышленными крестьянскими хозяйствами, а в привычном для

нас понимании это кулацкие крестьянские хозяйства, поэтому мы даём тройное наименование этой группы крестьянских хозяйств. За красной чертой социально-благополучия нэповской деревни в Ставропольском округе в середине 1920-х гг. оказываются сразу три социально-производственные группы крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, и выходом для них становились батрачество и отходничество, хотя деревня создала свой социальный механизм, характеризующийся как «моральная экономика» и заключающийся, в частности, в функционировании крестьянских обществ взаимопомощи. Основу ставропольской деревни в социальном и количественном (54 %) отношении составляли середняки, но они, в свою очередь, делились на три группы хозяйств: неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, причём, осереднячивание деревни после разрушительной Гражданской войны произошло именно в результате реализации противоречивой аграрной политики большевиков, как бы, кто бы и в каких словесных изысках её не критиковал, увы, это социальная реальность на пике нэпа, когда в социальном отношении в деревне торжествовал середняк, и именно он больше всех пострадал от сплошной форсированной коллективизации. А вот социально-хозяйственную верхушку ставропольской деревни нельзя интерпретировать исключительно как кулацкую группу крестьянских хозяйств, ибо зажиточных крестьян, ошибочно относимых к кулакам, было в два с лишним раза больше, нежели собственно кулаков. Более того, в годы нэпа действующее законодательство и сами большевики чётко отличали эти две социально-хозяйственные группы: зажиточные и буржуазные (промышленные, кулацкие) крестьянские хозяйства, для чего применяли конкретные хозяйственно-производственные и социальные критерии. В общей исторической картине нэповской деревни можно встретить и особые социальные группы, к числу которых относятся «крестьяне-культурники», и они, как мы полагаем, не являются единственной особенностью социального лица нэповской деревни, причём, её история пока открыла нам не все страницы, оставляя ещё большое пространство для исследовательского научного поиска.

Литература

1. Бондарев В. А., Панкова-Козочкина Т. В. Исторический опыт инновационного земледелия крестьян-культурников Юга России 1920-х гг. // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. С. 56–58.
2. Бондарев В. А., Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.3. Оп.1. Д.2685.
4. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8.
6. Данилов В. П., Ивницкий Н. А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. С. 9–50.
2. Лебедева Л. В. Трансформация хозяйственного уклада середняцких хозяйств в период нэпа (по материалам Пензенской губернии) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 61–67.
3. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1925 г. № 1–39. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 26. Ст. 183.
4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1927 г. № 35–69. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 60. Ст. 609.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 1–39. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 34. Ст. 301.
6. Чичулин А. В. Классовая политика в сибирской деревне в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. Материалы IV региональной научно-практической конференции с международным участием. (Ишим, 7–8 ноября 2012 г.). Ишим, 2013. С. 152–159.
7. Шолохов М. А. Поднятая целина. М.: Молодая гвардия, 1960. 614 с.

8. Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России. Сборник документов / науч. ред. А. В. Юрасов; отв. ред. Е. П. Курапова, В. С. Пушкарев. М.: Кучково поле Музеон, 2021. 872 с.
9. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. Сост., вступит. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1987. С. 146–235.

References

1. Bondarev VA, Pankova-Kozochkina TV. Historical experience of innovative farming of peasant farmers of the South of Russia in the 1920s. in Problems and prospects of socio-economic and scientific technological development of the southern regions. Materials of the All-Russian Scientific Conference (September 21-22, 2009). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing; 2009. P. 56-58. (In Russ.).
2. Bondarev VA, Pankova-Kozochkina TV. Cossack-peasant economy of the NEP era: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia. Novochechinsk: Face; 2012. 266 p. (In Russ.).
3. The State Archive of the modern history of the Stavropol Territory (GANISK). F.3. Inv.1. D.2685.
4. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 5.
5. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 8.
6. Danilov VP, Ivnitky NA. About the village on the eve and during the continuous collectivization. In: The documents testify. From the history of the village on the eve and during the collectivization of 1927-1932. Ed. by VP Danilov and NA Ivnitky. Moscow: Politization; 1989. P. 950. (In Russ.).
7. Lebedeva LV. Transformation of the economic structure of middle peasant farms during the NEP period (based on the materials of the Penza province). *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 2016;4(255):61-67. (In Russ.).
8. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1925 No. 139. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 26. Art. 183. (In Russ.).
10. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1927 No. 3569. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 60. Art. 609. (In Russ.).
11. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1929 No. 139. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 34. Art. 301. (In Russ.).
12. Chichulin AV. Class politics in the Siberian village in the late 20s – early 30s of the twentieth century. In: History and local lore of Western Siberia: problems and prospects of study. Materials of the ivth regional scientific and practical conference with international participation. (Ishim, November 78, 2012). Ishim, 2013. P. 152-159. (In Russ.).
13. Sholokhov MA. Raised virgin land. Moscow: The Young Guard; 1960. 614 p. (In Russ.).
14. The economics of compromise. On the 100th anniversary of the NEP In Russia. Collection of documents. Scientific ed. AV Yurasov; rev. ed. ER Kurapova, VS Pushkarev. Moscow: Kuchkovo Field Museum; 2021. 872 p. (In Russ.).
15. Engelhardt AN. Letters from the village (Letter seven). In: Letters from the village. Essays on the peasantry In Russia in the second half of the XIX century. Compilation, introductory article and comments by YuV Lebedev. Moscow: Contemporary; 1987. P. 146-235. (In Russ.).